

«НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛИ И МНОГОМУ НАУЧИЛИСЬ...»: ПРОЕКТЫ РЕСТАВРАЦИИ МОНАРХИИ В 1799 Г.

Д.Ю. Бовыкин

«Французские армии терпели поражения и отступали под ударами соединенных сил коалиции. Осенью 1799 года правительственная власть была почти иллюзорной. Правительство Директории было не только окружено всеобщим презрением – оно само себя чувствовало настолько беспомощным, что искало любой возможности поскорее спихнуть кому-нибудь власть, каким угодно способом сойти со сцены... Пять лет правления термидорианцев привели страну к состоянию почти неизлечимого недуга – расстройству экономики, финансов, общему развалу административного организма, систематическим нарушениям конституционных основ, беззаконию, произволу, глубокому общественному недовольству, всеобщему разочарованию»¹.

Образные строки А.З. Манфреда содержат в себе, разумеется, небольшое преувеличение, однако не это главное. Читая их и зная дальнейший ход истории, мы невольно рассматриваем ситуацию под вполне определенным углом зрения: в недрах Директории созрел план переворота; перебрав несколько кандидатов на роль человека, способного обеспечить поддержку их планам со стороны армии, заговорщики остановились на кандидатуре популярного генерала Наполеона Бонапарта. А в итоге прошло всего несколько месяцев, и переворот 18 брюмера VIII года Республики привел к очередной смене власти в стране.

Однако осенью 1799 г. во Франции и за ее пределами существовали не только те силы, которые желали модификации режима при сохранении республиканского строя и основных революционных

Дмитрий Юрьевич Бовыкин – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00268а.

¹ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1980. С. 235, 243.

преобразований. Несмотря на все усилия Директории, значительным влиянием обладали и сторонники монархии, упрочившие свои позиции, благодаря тем же самым факторам: политической нестабильности, инфляции, бесконечным войнам, которые приносили с собой отнюдь не одни только победы. Практически выиграв выборы 1797 г., роялисты со всей очевидностью показали, что представляют силу, пользующуюся серьезной поддержкой в обществе. «К 1799 г., – отмечает биограф Людовика XVIII Ф. Мэнсел, – Франция стала еще более роялистской... В ноябре 1799 г. даже в Бельгии, к которой до 1789 г. Бурбоны не имели никакого отношения, восставшие крестьяне кричали: “Да здравствует Людовик XVIII!”»².

И хотя сам Людовик XVIII, провозглашенный королем в июне 1795 г., пребывал тогда далеко от своей страны – в Митаве на территории Российской империи, а информация доходила туда не в полном объеме и со значительным опозданием, летом 1799 г. у монарха в изгнании были все основания видеть будущее в радужном свете. Как поэтично писал один из его советников, «в тот момент, когда Его Величество вступит в пределы своего Королевства, [...] он увидит, как мятеж рассеивается пред его стопами, словно утренний туман пред первыми лучами солнца»³. Помимо общей более или менее латентной симпатии населения к идее восстановлению монархии, надежды вселяли и сугубо военные перспективы. Зная о подготовке англо-русского десанта в Голландии, король предполагал, что «прибытие русских и австрийских войск на восточные границы Франции вскоре вынудит республиканцев отступить. За несколько недель иностранные армии должны были возвести его на трон предков. Не будучи посвящен в детали готовящихся роялистских восстаний, он знал, что на юго-востоке множество его сторонников находятся в состоянии боевой готовности и ждут лишь приказа присоединиться к шуанам, монархически настроенным бретонцам и нормандцам – передовому отряду контрреволюции»⁴.

В свете этих надежд отнюдь не случайно, что летом-осенью 1799 г. в окружении Людовика XVIII готовится ряд деклараций и других программных документов, которые должны были быть пущены в ход после триумфального возвращения короля на территорию Франции. Данная группа документов представляется в значительной степени

² *Mansel Ph. Louis XVIII. Guilgford, 1999. P. 122, 123.*

³ Réponse aux questions concernant le Etats généraux et la rédaction d'une chartre constitutionnelle // Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Mémoires et documents. France (далее – МАЕ). 608. 1799. F. 312v.

⁴ *Lever E. Louis XVIII. P., 1988. P. 247-248.*

уникальной, поскольку дает возможность ответить на вопрос, обычно являющийся уделом так называемой «*if-history*» – что было бы, если бы брат Людовика XVI Людовик-Станислав Ксавье, граф Прованский взял в свои руки управление страной не в 1814 г., как это реально произошло, а на 15 лет раньше. Или, иначе говоря, какой ему виделась та монархия, которую он мечтал возродить? Что доминировало в его взглядах на десятом году Революции – стремление к компромиссу или твердая уверенность в том, что основы королевской власти должны оставаться незыблемыми? И, наконец, должна ли была реставрированная монархия стать столь же «абсолютной», какой она была при его предшественниках?

Несмотря на то, что подробный анализ политических взглядов Людовика XVIII в годы эмиграции никем из исследователей до сих пор не проводился⁵, в исторической литературе явно доминирует точка зрения, основанная на широко известной фразе о том, что «Бурбоны ничего не забыли и ничему не научились»⁶. Так, например, рассказывая о декларации графа Прованского, изданной в 1793 г. после получения известия о казни Людовика XVI, признанный специалист по истории контрреволюции Ж. Годшо отмечал, что в этой декларации «содержалось стремление восстановить Старый порядок во всей его полноте». «Эта декларация крайне важна, – пояснял он далее, – поскольку она определяет отношение регента, а затем и Людовика XVIII к Революции. До знаменитой Сент-Уэнской декларации 1814 г. он его совершенно не изменил»⁷. Беря за отправную точку несколько более позднюю Веронскую декларацию 1795 г., Е.В. Тарле приходил к аналогичным выводам: «Основная мысль графа Прованского, которую он выражал много раз до и после этого манифеста, [...] заключается в том, что, взойдя на прародительский престол, он [...] никаких ограничений своей власти,

⁵ Исключение здесь составляет статья: *Ростиславлев Д.А.* Людовик XVIII и политическая программа французской эмиграции в эпоху революции конца XVIII в. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Французский ежегодник. 2000. М., 2000. С. 176-200, однако и в ней основной упор делается не на взгляды самого короля.

⁶ В первый раз эти слова встречаются в письме, отправленном из Лондона в январе 1796 г. Ш.Л.Э. де Пана (конституционным монархистом и эмигрантом, участником Войны за независимость США) своему единомышленнику, известному швейцарскому публицисту Ж. Малле дю Пану. Рассказывая об обстановке, царившей при дворе брата Людовика XVIII графа д'Артуа, де Пана с грустью отмечал: «Все неисправимы; никто не может ничего забыть и чему-либо научиться» («*Personne n'est corrigé ; personne n'a su ni rien oublier, ni rien apprendre*»). – Цит по: *Malouet P.V.* Mémoires de M. Malouet publiés par son petit fils le baron Malouet. P., 1874. Vol. 2. P. 458.

⁷ *Godechot J.* La contre-révolution. 1789-1804. P., 1984. P. 181.

никаких компромиссов не допустит»⁸. Людовик XVIII «стоял за реставрацию *ancien régime*»⁹, – утверждал и английский историк К.Г. Доусон.

Группа вышеупомянутых документов, относящихся ко второй половине 1799 г., дает нам возможность проверить справедливость этих суждений. В отличие от предшествующих деклараций и инструкций¹⁰, позволяющих рассмотреть *отдельные элементы* политического проекта Людовика XVIII, в 1799 г. его окружение постаралось предусмотреть все мыслимые сложности, которые могло бы повлечь за собой воцарение короля во Франции и заранее подготовить именно *комплекс* документов, способный удовлетворить его подданных и чиновников хотя бы на первое время. Основной труд по написанию этих текстов был проделан бессменным юрисконсультom Людовика XVIII Ж.Ж.А. де Курвуазье – человеком, пользовавшимся большим доверием короля в юридических вопросах и секретарем его Совета. Основываясь на письмах и инструкциях Людовика и на собственном представлении о позиции государя, с которым он постоянно общался, Курвуазье сделал все, чтобы превратить общие рассуждения монарха в конкретные декларации и указы.

В основе трудов Курвуазье лежала не только характерная для роялистов уверенность, что Франция вот-вот призовет своего короля, и следует встретить это событие во всеоружии – у появления этих текстов была и своя предыстория. Опыт Веронской декларации 1795 г., негативно воспринятой даже частью роялистов (особенно их умеренным крылом), не прошел для Людовика XVIII и его сподвижников даром. Вне зависимости от того, что на самом деле подтолкнуло короля к написанию Веронской декларации именно в такой форме – переоценка собственных сил или влияние ряда доверенных лиц, стремившихся подчеркнуть образ справедливого, но сурового монарха и противопоставить его образу Людовика XVI, – с тех пор стало ясно, что в программных документах необходимо выверять каждое слово, а подчас и умело скрывать свои истинные намерения, осознавая, что нельзя все перемены произвести в одночасье. В результате Людовик пришел к тому, что до тех пор, пока он не сможет реализовать свои идеи на практике,

«без сомнения, ошибаются те, кто осуждает Короля за то, что тот высказывается слишком неопределенно, поскольку как раз эта

⁸ *Тарле Е.В.* Жерминаль и прериаль. М., 1957. С. 69.

⁹ *Доусон К.Г.* Боги революции. СПб, 2002. С. 244.

¹⁰ Как правило, такие инструкции назначаемым Людовиком XVIII должностным лицам касались не только, собственно, полномочий того или иного человека или его миссии, но и содержали информацию о взглядах и планах короля.

неопределенность и есть доказательство высшей мудрости. Король поступит чрезвычайно опрометчиво, если сам поставит границы, которые не позволяют ему продвинуться вперед или отступить. Правильным советом было бы предложить ему оставить себе определенную свободу действий. В один прекрасный день французы это признают; они согласятся с тем, что Король пообещал всё, что он мог пообещать»¹¹.

Кроме того, поскольку сам монарх с тех пор постоянно подчеркивал, что не является сторонником реставрации Старого порядка, а стремится лишь основываться на фундаментальных законах монархии¹², казалось разумным сделать все, чтобы убедить в этом его мятежных подданных. Следует сразу оговорить, что в отношении к Старому порядку в окружении Людовика XVIII практически царило единодушие: возвращение в те времена казалось не только невозможным, но и нежелательным. «Целых десять лет тревог и потрясений не привели еще к возрождению этой несчастной страны и, тем не менее, говорят о том, чтобы вернуть все, как было до начала ее упадка!» – в удивлении восклицал граф де Сен-При¹³. И даже добавлял слова, под которыми едва ли были готовы подписаться многие его товарищи по несчастью: «Как бы то ни было, старая машина уничтожена. Эта услуга была оказана Франции первым Национальным собранием; не следует лишать его этой заслуги, которой отнюдь не достаточно, чтобы искупить всю его вину»¹⁴. Позиция же самого короля была, несомненно, значительно более осторожна. Он выражал ее весьма лаконично, но не менее ясно:

«Я полагаю – насколько об этом можно судить издалека, – что есть вещи, до такой степени разрушенные, что их невозможно восстановить; и что среди новых институтов есть пригодные для сохранения. Однако я не знаю, какие из них какие, и не могу высказаться по этому поводу»¹⁵.

¹¹ Observations du Roi sur le précédent mémoire de M. de Saint-Priest // Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest. P., 1845. P. 83-84.

¹² См., например: Premières instructions générales à M. le Comte de Moutiers. Verone, le 20 mars 1796 // МАЕ. 625. 1796. F. 108v.

¹³ Франсуа Эмманюэль Гинар, граф де Сен-При (1735-1821) – при Старом порядке посол в Лиссабоне, Константинополе и Голландии, министр в правительстве Неккера. Эмигрант, член Совета Людовика XVIII.

¹⁴ Mémoire rédigé par le comte de Saint-Priest pour le Roi. 5 juin 1799 // Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest. P. 67, 69.

¹⁵ Observations du Roi sur le précédent mémoire de M. de Saint-Priest. P. 81.

Квинтэссенцией новой позиции Людовика XVIII стала инструкция, данная им 24 июля 1799 г. брату, графу д'Артуа¹⁶, поскольку не исключалось, что именно тот первым вступит на территорию Франции. Написана она была весьма откровенно:

«Стремясь к восстановлению старого строя и к устранению злоупотреблений, необходимо не упускать из виду две вещи: 1° то, что реально восстановить; 2° то, что, возможно, лучше было бы сохранить. Однако ни вы, ни я, ни, не исключено, кто бы то ни было еще, не может рассматривать эти две вещи по отдельности. Соответственно, необходимо от чего-то отталкиваться: поскольку невозможно разрушить и ничего не создать на этом месте, как невозможно создать неведомо что. Именно это способствовало моему решению временно сохранить существующие ныне формы гражданской и судебной администрации со следующими ограничениями: 1° чтобы весь их персонал в целом и каждый человек по отдельности принес мне клятву верности; 2° чтобы они исполняли свои функции от моего имени. Однако я рассматриваю это решение лишь как временное, а все, что относится к духовной сфере должно быть безотлагательно возвращено к прежнему состоянию¹⁷. [...]

Что же до присвоенных имуществ, эта тема представляется мне деликатной. Их возвращение – естественное право, и не объявить о нем было бы своего рода соучастием в несправедливых грабежах. С другой стороны, покупатели [этих имуществ] многочисленны, и опасно озлобить сей класс и довести его до отчаяния. По этой причине я принял решение пообещать нынешним владельцам компенсацию в зависимости от обстоятельств. Это выражение туманно, и я об этом знаю, однако оно наилучшим образом соответствует моей цели: 1° поскольку оно оставляет мне свободу определить впоследствии и способ, и размер компенсации; 2° поскольку, избавляя владельцев от страха [...], оно, в то же время, предоставляет им шанс обрести, в зависимости от поведения, лучшую или худшую долю, или быть ее лишённой, если они станут упорно оставаться на стороне мятежников.

Что же касается налогообложения, то поскольку невозможно перейти на новую систему, не зная реальных возможностей и нужд, существующие ныне налоги будут временно взиматься – со всей умеренностью, которую может потребовать положение податного населения.

¹⁶ Extrait d'une lettre écrite par le Roi à Monsieur pour lui servir d'instruction. Le 24 juillet 1799 // Archives Nationales. 444 AP 1 (Papiers d'abbé André (Delamare)). Doc. 7.

¹⁷ Вопросы восстановления католической религии, прежней структуры церкви, как и проблема присягнувших и неприсягнувших священников, намеренно выведены мною за рамки данной статьи, поскольку им было посвящено отдельное исследование: Бовыкин Д.Ю. Религия и церковь в политических проектах Людовика XVIII (1795-1799) // ФЕ. 2004. М., 2004.

Что же до армии, то не следует ничего менять по сравнению с тем, о чем я уже объявлял ранее: за офицерами, находящимися в любом звании и выбравшими правильную сторону, сохранятся звания и должности.

Мои мысли о милосердии хорошо известны: его пределы обозначены в моей декларации 1795 года. Однако возможно оказать такие услуги, которые заставят меня закрыть глаза на самые страшные преступления.

Все это вплоть до последней запятой, мой дорогой брат, можно говорить лишь с большой осмотрительностью и лишь тогда, когда этого безусловно потребуют обстоятельства. [...] Этих временных [инструкций] будет достаточно, чтобы машина работала вплоть до моего прибытия, которое последует вскоре за вашим. Добавлю лишь, как Св. Павел, *cetera autem cum venero disponam*¹⁸».

Хорошо видно, что за исключением религиозной сферы (то есть той сферы, которая во многом и делала монарха истинным монархом) на протяжении всего документа Людовик XVIII демонстрирует качества, бывшие для него характерными еще до Революции: гибкость, способность к компромиссу и стремление высказывать наиболее выгодные в данный конкретный момент взгляды при сохранении главного – это должны быть взгляды, достойные принца крови; лавры герцога Орлеанского Людовика никогда не прельщали. Соответственно, очевиден и тот путь, который прошел король со времен Веронской декларации: даже в одном из самых важных для него вопросов – об ответственности депутатов, голосовавших за казнь Людовика XVI, – он и то готов был допустить определенные оговорки.

Из инструкции не делали тайны, и заинтересованным лицам она вскоре стала хорошо известна; более того, некоторые из них получили ее текст непосредственно от короля. И сделано это было не случайно: поскольку в адресованном графу д'Артуа сопроводительном письме говорилось, что это все «необязательно и предположительно», Людовик XVIII, по сути, использовал инструкцию как пробный шар, позволяющий выяснить мнение влиятельных роялистов об организации временного порядка управления и о принципах, которые должны быть положены в основу новой власти. Своей цели он достиг в полной мере: отклики не заставили себя ждать.

Вторая половина 1799 г. выдалась особенно урожайной на поступающие к королю проекты, в которых его призывали к осторожности и осмотрительности и, вместе с тем, подталкивали к тому, чтобы

¹⁸ Прочее устрою, когда приду (лат.). Цитата из Первого послания к коринфянам.

выступить публично. Особенно, на мой взгляд, усердствовали оказавшиеся в эмиграции монаршьены («*monarchiens*»)¹⁹, как в годы Учредительного собрания стали называть приверженцев конституционной монархии, группировавшихся вокруг Ж. Мунье, П.В. Малуз, Т.Ж. Лалли-Толандаля и Ф.Д. Монлозье²⁰. В июле 1799 г. в секретариат короля поступил приписываемый Малуз пространный текст, озаглавленный «Краткое изложение наиболее правильных способов ускорить и обеспечить восстановление Монархии во Франции»²¹. Следом за ним к королю обратился еще один бывший депутат Генеральных штатов – Ж.М. Шампъон де Сисэ, архиепископ Бордо, решивший действовать через графа де Сен-При²².

При всем различии их проектов, монаршьенов объединяли общая линия на сохранение (по крайней мере, временное) доставшейся от Революции административной, судебной, финансовой, налоговой и военной системы. Вместе с тем они стремились к отказу (опять же, по крайней мере, на время) от восстановления тех институтов Старого порядка, которые, по их мнению, вызывали наибольшее недовольство населения – десятины, сеньориальных прав, налога на соль (габели). Возвращение национальных имуществ прежним владельцам они предусматривали лишь при условии обязательной компенсации владельцам нынешним и выступали за модификацию тех древних институтов власти, которые доказали свою неэффективность. В то же время монаршьены оставались сторонниками представительной формы правления и настаивали на том, что королю следует сохранить ее, хотя и в измененном виде. Было даже высказано предложение, чтобы Людовик XVIII взял на себя обязательство публиковать бюджет и не вводить новые налоги без согласия народа. В остальном же политический проект монаршьенов оставался вполне схожим с намерениями роялистов: соблюдение фундаментальных законов монархии, возрождение сословной структуры общества, отказ цареубийцам в помиловании. В несколько ином русле шли мысли бывшего депутата Законодательного собрания и бывшего фейяна маркиза де Жокура, предлагавшего созвать Генеральные штаты, чтобы вместе с ними решить, что будет полезным сохра-

¹⁹ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. «Я думаю по-иному...» Людовик XVIII и конституционные монархисты (1795-1799) // Европа. Вып. 5. Тюмень, 2005.

²⁰ Подробнее см.: Сергиенко В.Ю. Конституционные монархисты – эмигранты времен Французской революции конца XVIII века // НиНИ. 2003. № 5.

²¹ *Aperçu des Moyens les plus propres à accélérer & à consolider le rétablissement de la Monarchie en France. Juillet 1799. [Attribué à Malouet] // MAE. 595. 1799. F. 355-393v.*

²² *Analyse d'une lettre de M. L'Archevêque de Bordeaux à M. Le Comte de St. Priest du 9 août 1799 // MAE. 608. 1799. F. 13-13v.; Analyse d'une projet de la déclaration envoyé par M. l'arch de Bordeaux. 16 7bre 1799 // Ibid. F. 15-16.*

нить от различных форм правления, сменявших одна другую с начала Революции²³, однако и этот проект не содержал в себе ничего радикального.

Если конституционалисты в ожидании скорого прихода короля к власти во Франции явно пытались связать его обещаниями, которые затем ему пришлось бы выполнять, то ближайшее окружение Людовика XVIII, напротив, всеми силами стремилось избежать каких бы то ни было четких обязательств. Монарха убеждали, что пока он и в самом деле не окажется на территории страны, пока не станет ясно, каким образом и при каких обстоятельствах это произойдет, нет никакого резона спешить. В то же время среди соратников Людовика XVIII вызревала мысль, что, поскольку рано или поздно в декларации придется обрисовать общие очертания будущего временного порядка управления страной, то хорошо было бы заранее представлять себе этот порядок от начала и до конца, включая детали. Иначе, предупреждал Курвуазье, после выпуска декларации короля станут упрекать в опрометчивости и поверхностности, ведь даже умолчание о некоторых вещах может оказаться роковым. В пример он приводил десятину и сеньориальные права. В инструкциях о них не было ни слова, но поскольку речь шла о праве собственности, сборщики десятины и сеньоры сразу же после восстановления королевской власти стали бы пользоваться этими правами в полном объеме, и даже граф д'Артуа, который должен был оказаться во Франции раньше короля, не смог бы их остановить: для этого нужен был акт суверенной воли. Другая проблема – как быть с судами и законодательством в целом: что сохраняется из республиканских законов, что принимается нового? Поскольку инструкции этот вопрос обходят, в государстве воцарится анархия²⁴.

Трудно сказать точно, на каком именно этапе этих обсуждений Людовик XVIII окончательно отказался от мысли обратиться к народу Франции из Митавы²⁵ и пришел к решению последовать совету Курвуазье разработать концепцию восстановления королевской власти во Франции и временного порядка управления во всей ее полноте²⁶.

²³ [Note d'Avaray] // MAE. 608. 1799. F. 54-54v.

²⁴ Observations sur les articles 14 et 15 du projet des let[tres] pat[entes]. De la main de Courvoisier // Ibid. F. 43 et suiv.

²⁵ [Note attribuée à Saint-Priest] // Ibid. F. 48.

²⁶ Общие очертания этой концепции были заданы как в уже цитировавшихся выше «Замечаниях Короля по предыдущему мемуару Сен-При» и инструкции графу д'Артуа, так и в данной 25 июня 1799 года инструкции Людовика XVIII его агентам во Франции (Instruction du Roy pour les agents de sa Majesté // *Dugon M. Au service du Roi en exil. Épisodes de la Contre-Révolution d'après le journal et le correspondance du président de Vezet (1791-1804).* P., 1968. P. 340-346).

Можно лишь с уверенностью утверждать, что к концу осени 1799 г. труд Курвуазье был закончен и что, по крайней мере, часть текстов была написана уже после переворота 18 брюмера, поскольку истинное его значение эмигранты осознали далеко не сразу. В итоге этой работы и появился на свет комплекс из двух десятков разнородных документов – мемуаров, пояснительных записок, проектов деклараций, ордонансов и эдиктов, затрагивающих все сферы жизни общества.

Своеобразным эпиграфом к этому собранию документов могут послужить слова самого Курвуазье:

«Монархия разрушена до основания, однако это разрушение имеет место лишь фактически, но не юридически. Фактически, сегодня не существует ничего из того, что было в 1789 году, юридически же все, что было в ту эпоху, существует и по сей день. Таким образом, необходимо, чтобы Король упразднил то, что не должно быть восстановлено, и Королю необходимо изменить то, что не должно возродиться в прежнем виде. Одним словом, бывшие законы, бывшие обычаи повлекут за собой, наряду со всеми присущими им пороками, все бывшие институты, которые новые законы не упразднят и не изменят.

Отсюда проистекает нынешняя необходимость реформ, если Король действительно их желает. И сколь же долгий путь лежит перед ним! Реформы управления диоцезами, управления провинциями, судебной администрации, финансового ведомства, налоговой системы, военной сферы, реформы во всех областях законодательства»²⁷.

Теоретическая часть этих проектов была относительно невелика и во многом находилась в русле того, о чем Людовик XVIII говорил уже неоднократно. Прежде всего, выражалась уверенность, что французы успели разобраться в сути республиканской власти и осознать, что ничего хорошего ждать от нее не приходится. «Уже долгое время Республика предстает перед вашими глазами, – говорилось в проекте обращения короля к французам, – лишь как отвратительная и кровавая химера; уже долгое время она напоминает вам лишь о злодеяниях, предлогом для которых она стала, и бедах, которые вам пришлось претерпеть». А ныне, отмечалось в этом тексте, написанном после 18 брюмера, она и вовсе превратилась в «бесплотный призрак», «памятные дни 9 и 10 ноября уничтожили последнее, что от нее оставалось»²⁸.

Основные цели королевской власти обозначались весьма лаконично: «Простить, восстановить умеренную мудростью монархию,

²⁷ Réponse aux questions concernant les Etats généraux et la redaction d'une chartre constitutionnelle // MAE. 608. 1799. F. 306v.-315.

²⁸ Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi. De la main de Courvoisier // Ibid. F. 79.

исправить злоупотребления и предотвратить их возвращение»²⁹. Общие очертания нового порядка также должны были, в первую очередь, навести на мысли о готовности монарха к компромиссу:

«Мы внимательно и беспристрастно изучим как древние учреждения, чтобы отменить те из них, которые оказались порочными, так и новые институты, чтобы сохранить те, которые полезны; и из этого мудро составленного соединения старого порядка и порядка нового возникнет во всех областях управления такое положение вещей, которое, не затрагивая принципов Монархии, станет наилучшим для блага государства. Так мы заставим даже саму революцию послужить ко всеобщей пользе, чтобы она, по крайней мере некоторым образом, компенсировала причиненный ею непоправимый вред»³⁰.

Осознавая, что имеющейся в распоряжении двора информации не достаточно, чтобы выстроить полноценную схему будущего государственного устройства страны, Курвуазье от имени Людовика XVIII дополнил проект обращения следующими словами:

«Французы, верьте, что эти обещания продиктованы нам справедливостью, поскольку не думаете же вы, что они вырваны у нас необходимостью. Однако, находясь вне нашей страны и столь далеко от наших границ, мы не можем облечь их [эти обещания] в форму законов: мы сумеем сделать это, лишь когда воцарятся мир и порядок; окутывающая нас тьма позволяет нам лишь обозначить общие очертания планов, но не позволяет детализировать наши идеи и предписать способы их реализации на практике...»³¹

Несмотря на подобную оговорку, и в процитированном, и в последующих документах позиции короля по ряду наиболее принципиальных вопросов обозначены весьма четко. Однако прежде, чем перейти непосредственно к этому сюжету, мне кажется уместным небольшое отступление, которое позволило бы лучше понять, каким образом тезисы, высказанные в этом корпусе документов, вписываются в дискуссии о королевской прерогативе, которые шли уже на протяжении нескольких столетий и стали особенно активны во второй половине XVIII в.³²

Терминология текстов, вышедших из-под пера Людовика XVIII и его окружения – «произвол», «деспотизм», «вольности», «власть», «принципы монархии», «умеренная монархия» – была хорошо знакома

²⁹ *Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi.* F. 80.

³⁰ *Ibid.* F. 81.

³¹ *Projet d'adresse. De la main de Courvoisier // Ibid.* F. 91.

³² Подробнее см. статью А.В. Чудинова в данном выпуске ФЕ.

современникам, хотя ее применение и эволюционировало с течением времени. Для Ш.Л. де Монтескье, чей трактат «О духе законов» (1748) был хорошо известен, деспотизм характерен для обширных империй (8. XIX)³³, в которых власть монарха безгранична и держится на страхе (3. IX) и в которых в лице правителя «соединены и законы, и государство, и государь» (5. XIV). При монархии же ситуация в значительной степени иная: «источником всякой политической и гражданской власти является сам государь», однако природу монархического правления составляют «власти посредствующие, подчиненные и зависимые» (2. IV) – это, помимо прочего, прерогативы сеньоров, дворянства, духовенства и городов. Кроме того, в монархии обязательно должно быть «учреждение, охраняющее законы» – хотя Монтескье обтекаемо называет его «политическими коллегиями, которые обнаружат вновь изданные законы и напоминают о существующих, когда о них забывают» (2. IV), ясно, что речь идет о парламентах. Иными словами, пока существуют парламенты, пока между монархом и народом есть посредники, пока соблюдается закон, это монархия (или, как порой говорит Монтескье, «умеренная монархия»), а не деспотия.

Сходным образом трактуется «деспотизм» и в «Энциклопедии»: «Это тираническое, произвольное и абсолютное правление одного человека. Таково правление в Турции, Монголии, Японии, Персии и почти по всей Азии... Напротив, в христианском мире невозможна столь неограниченная власть, ибо, сколько бы ее не считали абсолютной, она не включает в себя произвольную и деспотическую власть, не знающую другого правила и мотива, кроме воли христианского монарха»³⁴. Однако во второй половине XVIII в. подобную уверенность разделяли отнюдь не все. Как отмечал известный французский историк Д. Рише, за пределами крайностей (часть физиократов выступала за «законный деспотизм», а некоторые теоретики абсолютизма, такие как П.Л.Ш. Жин, – за неограниченную власть короля) доминировали два течения, остававшиеся в рамках идеологии просветителей. «Одни – прежде всего, в Парламентах – были более верны букве, нежели духу Монтескье и использовали различия между монархией и деспотизмом для того, чтобы все более жестко критиковать королевскую власть. Другие, более многочисленные, отрицали эти различия. Вольтер писал Жину: “Начну с того, что признаю: *деспотическое* и *монархическое* – совершенно одно и то же в сердцах всех людей”»³⁵. Так, со второй

³³ Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. Ссылки приводятся на номер книги и главы.

³⁴ История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С. 190, 191.

³⁵ Richet D. La France moderne : l'esprit des institutions. P., 1973. P. 155-156.

половины XVIII в., особенно с реформы Мопу³⁶, королей начинают упрекать в деспотизме, нередко напоминая о том, что настоящей конституции у Франции, в общем-то, нет.

Одновременно с этим эволюционировало и представление о фундаментальных законах французской монархии. Не останавливаясь на историографических спорах о том, можно ли считать эти законы истинной (хотя и неписанной) конституцией Франции³⁷, отмечу лишь следующее. Изначально многие юристы полагали, что «существование пространных фундаментальных законов – неизменных и незыблемых установлений, которые не может преступить даже сам король без того, чтобы не поставить под угрозу свою собственную легитимность» позволяло говорить о наличии такой конституции³⁸ и спор шел лишь о том, что именно включать в состав фундаментальных законов, поскольку различие между *законами короля* и *законами королевства* признавалось практически всеми. Здесь мнения расходились, но, обобщая и в некоторой степени упрощая, можно сказать, что в состав фундаментальных законов включались – хотя, порой, не все и не всеми – следующие принципы: преемственность и непрерывность монархической власти по мужской линии; неотчуждаемость королевского домена³⁹; легитимность короля (государь не мог передавать корону по собственному желанию и не мог отречься от престола); приверженность католицизму⁴⁰. Однако во времена «Энциклопедии» уже появлялось представление о том, что «основные законы государства – это... еще и договоры между народом и тем или теми, кому он передает верховную власть, каковые договоры устанавливают надлежащий способ правления и предписывают границы верховной власти», и «чтобы обеспечить их сохранение в ограниченной монархии, вся нация может сохранить за собой законодательную власть»⁴¹. Очевидно, впрочем, что подобные представления не разделялись самими государями.

³⁶ Подробнее см. статью Л.А. Пименовой в данном выпуске ФЕ.

³⁷ Эти споры подробно рассмотрены в прекрасной книге Ф. Козанде и Р. Десимона: *Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France. Histoire et historiographie*. P., 2002. P. 62 et suiv.

³⁸ *Ibid.* P. 62-63.

³⁹ «Можно считать, – уверены Ф. Козанде и Р. Десимон, хотя их мысль представляется мне и не бесспорной, – что салический закон – это единственный фундаментальный закон, и что сопутствующие ему принципы (в том числе, неотчуждаемость домена), которые юристы также привыкли считать фундаментальными, представляют собой логические следствия закона о наследовании». – *Ibid.* P. 60.

⁴⁰ *Метивье Ю.* Франция в XVI-XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. М., 2005. С. 61-65.

⁴¹ История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. С. 88. Замечу попутно, что автор обеих процитированных статей из «Энциклопедии» Луи де Жокур – отец Франсуа-Арная де Жокура, о проекте которого речь шла выше.

Однако вернёмся к нашему сюжету. На мой взгляд, основные идеи, содержащиеся в подготовленных окружением Людовика XVIII проектах управления страной после восстановления королевской власти, можно условно разделить на несколько групп:

1. *Проблема конституционной Хартии.* Если в Веронской декларации речь шла лишь о восстановлении фундаментальных законов монархии (хотя и не указывалось, что король готов был включить в их число, то вскоре после восшествия на престол Людовик XVIII заявил, что не имеет ничего против того, чтобы эта «древняя конституция» Франции была изложена на бумаге и превратилась тем самым в отдельную Хартию⁴². Более того, некоторые придворные полагали, что подобное обещание имплицитно было дано уже в 1795 г., поскольку уже при вступлении на престол Король

«принял на себя обязательство вернуть конституции всю ту чистоту, которой лишило ее время, всю ту действенность, которая со временем ослабла. Это обязательство превратится в расплывчатое и лживое обещание, если его не повторить в первой же декларации, с которой Король обратится к своим подданным; скажу более того, если его не подтвердит обещанием даровать хартию, поскольку это единственный способ его исполнить»⁴³.

Несмотря на безапелляционность подобных высказываний, сам Людовик XVIII и в 1799 г. от идеи даровать Хартию не отказался. После заявления о желании возродить «установленную нашими предками конституцию, о которой забывали невежды и на которую клеветали недоброжелатели», в проекте декларации говорилось:

«Мы хотели бы извлечь ее из забвения, в которое она впала, восстановить ее на прежних началах, путем дополнений и незначительных исправлений вознести ее на высочайший уровень совершенства, какого только могут достичь созданные людьми институты, и, наконец, превратить ее в официальный кодекс, чтобы навеки оградить от посягательств со стороны людей и времени. Тем самым она защитит

⁴² Любопытно, что для историков французского конституционализма все эти идеи остаются, по большей части, неизвестными. Так, например, П. Розанваллон отмечает, что «конституционную историю этого периода [1789-1814 гг.] еще предстоит изучить» (*Rosanvallon P. La monarchie impossible. Les Chartes de 1814 et de 1830. P., 1994. P. 8*). В результате Хартия 1814 года лишается своей богатой предыстории, и поэтому ее нередко воспринимают как навязанную Людовику XVIII, стремившемуся реставрировать Старый порядок.

⁴³ Réponse aux questions concernant les Etats généraux et la rédaction d'une chartre constitutionnelle // MAE. 608. 1799. F. 314v.

вас и ваше имущество от произвола, позволит вам пользоваться всей полной свободой и равенства, какая только совместима с пребыванием в обществе, она станет непреодолимой преградой и для угнетающего деспотизма, и для разрушительных вольностей; и если она станет просвещать нашу власть признаваемой нами мудростью, она тем самым обеспечит нам (и этого требуют ваши собственные интересы) все необходимое могущество, дабы выполнять королевские обязанности: пользуясь проистекающей из нее властью, Король Франции во все времена сможет повторять возвышенные слова одного из своих предшественников: “Я могу все, что пожелаю, поскольку я не желаю ничего, что не было бы справедливым”⁴⁴.

В этой цитате мы видим не только решительное стремление показать, что правление Людовика XVIII не будет иметь ничего общего с произволом и деспотизмом (во многом как раз потому, что фундаментальные законы монархии – надежный заслон на пути деспотизма). Не менее важно и иное: при Старом порядке доминировало представление о том, что перечислить права короля – уже само по себе означает ограничить их.

В другом проекте указывалось также, что «составление конституционной хартии, материалы к которой мы готовим, потребует участия нации», а именно Генеральных штатов, которые превратят, наконец, конституцию в «торжественную хартию, которая навсегда сохранит права нашей короны от покушения со стороны мятежников, а вольности и свободы нашего народа – от действий самоуправной власти»⁴⁵.

Сама идея кодифицировать и записать фундаментальные законы французской монархии не казалась потрясающей устои государства – возможно потому, что, по большому счету, ничего не меняла:

«Начиная с 1789 года и задолго до того⁴⁶ не переставали говорить, что во Франции нет Конституции, поскольку нет Конституционной хартии; иными словами, говорили глупости. Конституция может существовать и не будучи записанной, и обычаи, древние традиции могут заменить хартию, где они будут зафиксированы постатейно»⁴⁷.

Соответственно, противниками составления такой Хартии могут быть, предполагалось в одном из проектов, лишь магистраты,

⁴⁴ *Projet d'adresse. De la main de Courvoisier // Ibid. F. 90.*

⁴⁵ *Projet d'ordonnance portant rétablissement de la monarchie. 1799 // Ibid. F. 126v.*

⁴⁶ По крайней мере, об этом говорил еще Тюрго в обращении к Людовику XVI. См.: *Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. СПб., 1912. Т. 1. С. 585.*

⁴⁷ *Réponse aux questions concernant les Etats généraux... F. 313v.-314.*

предвидящие, что она положит конец их амбициозным претензиям, сторонники произвола, опасаящиеся, что Генеральные штаты его ограничат, да те, кто получал выгоду от злоупотреблений⁴⁸. Проблема была в ином: что именно из тех установлений, которые веками ложились в основу французской монархии, следует сохранить и, соответственно, включить в Хартию. Как отмечал граф Сен-При,

«говорить о *древней французской конституции*, означает употреблять выражение весьма расплывчатое, применимое к четырнадцати векам и практически к четырнадцати разным конституциям. Кто сможет утверждать, что при правлении Бурбонов конституция была той же, что и при последних Валуа? Что их правление не повлекло за собой никаких нововведений по сравнению с первыми Валуа? Что Филипп Красивый не изменил основы конституции королевства? И, наконец, кто станет сравнивать его правление с царствованием Гуго Капета, не отдавая себе отчета в важных изменениях формы правления?»⁴⁹

Для Людовика XVIII ответ на этот вопрос был очевиден:

«Я говорил, что хотел бы восстановить древнюю конституцию, освобожденную от примешавшихся к ней недостатков. Эта фраза, неслучайно вставленная мною в декларацию 1795 года, оставляет мне всю свободу действий, в которой я нуждаюсь»⁵⁰.

В одном из писем король давал ответ и на иной вопрос: почему именно «древняя конституция», почему бы не написать новую. Он полагал, что сохранение традиционных устоев важно по трем причинам. Во-первых, только они, составляя суть монархической формы правления, заставляют подданных подчиняться своему государю: «По какому праву он может заставить себе повиноваться с того момента, когда откажется от древних законов?». Во-вторых, король не обладает никаким монопольным правом написание новой конституции: как только он попытается предложить народу свой вариант, так тут же «не найдется во Франции ни единого молодого человека, который не принял бы выявлять недостатки нового творения и предлагать свои поправки». И, наконец, едва ли не самое важное – только традиции и именно традиции стоят на пути королевского произвола, только «древние законы» его и ограничивают:

⁴⁸ Réponse aux questions concernant les Etats généraux... F. 315.

⁴⁹ Mémoire rédigé par le comte de Saint-Priest pour le Roi. 5 juin 1799. P. 64-65.

⁵⁰ Observations du Roi sur le précédent mémoire de M. de Saint-Priest. P. 81.

«Если получше изучить сей предмет, то станет очевидно, что как только Король откажется от древней конституции, ему останется сказать лишь одно: “Я буду делать то, что мне захочется”. Именно к этим неподобающим и нелепым словам будут сведены прекрасные королевские речи, если их перевести на обычный язык»⁵¹.

Иными словами, Людовик XVIII был готов даровать своим подданным писанную Конституцию, но совершенно не склонен был начинать вокруг этой темы какую бы то ни было дискуссию или составлять некий принципиально новый текст: с одной стороны, он прекрасно помнил, к чему это привело в 1789-1791 гг., а с другой, – подозревал, что ему придется превратиться в деспота, чтобы навязать стране свой проект. Оговаривая, что фундаментальным законам французской монархии планируется вернуть былую чистоту, и не исключая, что их придется ретроградом, и максимально оставить себе руки развязанными: он даже не уточнял, какие именно законы он полагает фундаментальными.

2. *Проблема созыва Генеральных штатов.* В глазах ряда роялистов решение о созыве в 1789 г. Генеральных штатов было одной из грубейших ошибок Людовика XVI, приведшей в итоге к Революции. Однако в те годы граф Прованский, которому предстояло со временем стать Людовиком XVIII, не только не противостоял идее о созыве Штатов, но и приложил немало усилий, чтобы добиться удвоения в них представительства третьего сословия⁵². Вопрос о том, делал ли он это в соответствии со своими убеждениями или, что скорее, стремился приобрести популярность, расшатывая одновременно власть своего брата, до сих пор остается открытым. Так или иначе, Людовик XVIII осознал, что вопрос о созыве Генеральных штатов несет на себе особую идеологическую и практическую нагрузку, поскольку для многих является показателем того, насколько в действительности король настроен отказаться от «деспотизма» и прислушиваться к мнению нации. Если в Веронской декларации этот сюжет обходился молчанием, то ныне король высказывался весьма недвусмысленно:

«Во всех краях моего Королевства должно быть известно о моем намерении: как только будут обеспечены порядок и общественное спокойствие, созвать Генеральные штаты, дабы трудиться в согласии с ними над составлением конституции Королевства, дабы они

⁵¹ Observations du Roi sur le précédent mémoire de M. de Saint-Priest. P. 84-85.

⁵² Lever E. Op. cit. P. 114.

просветили меня своими знаниями касательно того множества установлений, которые мне предстоит разработать, и дабы обеспечить одобрение Нации тем законам, которые я приму ради ее благополучия»⁵³.

В составленном позднее проекте декларации говорилось: несмотря на то, что не может не вызывать опасений память о созыве Генеральных штатов «нашим августейшим братом»,

«мы признаем, что они имеют неотъемлемое право одобрять законы и устанавливать налоги; что они должны просвещать нас своими советами в различных областях управления и определять в согласии с нами статьи конституционной хартии»⁵⁴.

Хотя о точных сроках созыва Генеральных штатов речь не шла (практически повторяя формулировку королевской инструкции, говорилось лишь, что их созовут «как только общественное спокойствие будет прочно восстановлено»⁵⁵), и хотя круг их полномочий был очерчен довольно абстрактно, на обещания король не скупился: «Мы признаем (поскольку мы всегда гордились тем, что справедливы), что *мнение и согласие* Генеральных штатов будут необходимы для придания законности одной части наших планов, разъяснения другой и стабильности планов в целом»⁵⁶; порой даже говорилось о том, что они определяют «окончательную форму правления»⁵⁷. Помимо этого, Генеральные штаты должны были решить и вопрос о компенсации собственникам национальных имуществ⁵⁸. В то же время множество вопросов, вызывавших столь ожесточенные баталии в 1789 г. (например, о количестве депутатов от каждого сословия и о пословном голосовании), обходилось молчанием. Одним из немногих обращений к этой теме была фраза о том, что старая форма созыва Штатов будет несколько изменена⁵⁹; в другом документе говорилось, что лучше проводить выборы не по баляжам, а по секциям, поскольку это больше соответствует новому административному делению страны⁶⁰.

Однако, судя по всему, проблема созыва Генеральных штатов представлялась монарху исключительно важной, что заставило его

⁵³ Instruction du Roy pour les agents de sa Majesté. P. 346.

⁵⁴ Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi. F. 81v.

⁵⁵ Projet d'ordonnance portant rétablissement de la monarchie. F. 126v.

⁵⁶ Projet d'adresse. F. 91v.

⁵⁷ Projet d'ordonnance portant rétablissement de la monarchie. F. 126v.

⁵⁸ Projet d'adresse. F. 95.

⁵⁹ Projet d'ordonnance portant rétablissement de la monarchie. F. 126v.-127.

⁶⁰ Réponse aux questions concernant les Etats généraux... F. 313v.

заказать подготовку специальной аналитической записки по данному вопросу. Ее автор отмечал, что традиция «общих собраний» восходит еще к франкам, а затем сохранялась при Меровингах, Каролингах и Капетингах – таким образом, подобные собрания стали «важнейшей частью конституции Королевства»⁶¹. С другой стороны, с формальной точки зрения «в области законодательства одобрение Генеральных штатов и свободная верификация парламентами совершенно не являются необходимыми; иными словами, законодательная власть Короля столь же *абсолютна*, сколь и административная»⁶².

Тем не менее, кроме формальных соображений были еще и практические:

«Однако каким образом он [король] может приобрести знание ситуации на местах, без которого Его Величество окажется не способен принять ни одно мудрое решение? Однако кто станет гарантом всеобщего согласия, без которого Его Величество не сможет создать ничего прочного? В обычное время правительству требуется лишь ряд незначительных установлений и не самых важных законов. Их действие не привлекает внимания публики; то, что они предписывают, исполняют не задумываясь и не оказывая никакого сопротивления. Однако в то время, когда всеобщее внимание будет приковано ко всем актам королевской власти, в тот момент, когда речь пойдет об изменении важнейших составных частей Старого порядка в церковной, гражданской и военной сферах, кто не признает, сколь сильно придется опасаться осуждения общества, сколь желанно будет всеобщее одобрение, сколь трудно будет исполнить то, чего пожелает Король, если это пойдет вразрез с мнением Нации. [...] Иными словами, лишь Генеральные штаты смогут заставить общество не выражать свое осуждение, снискать всеобщее одобрение действиям правительства, объединить одобрение Нации с волей Короля, выразить всеобщее мнение по поводу установлений, которые необходимо принять, и обеспечить верность народа принятым уложениям»⁶³.

По мнению советников короля, Генеральные штаты окажутся «крайне важны» во многих отношениях: при модификации налоговой и финансовой системы, для «разоблачения злоупотреблений и выявления способов их исправить»⁶⁴ (особенно на местах), для того, «чтобы узнать состояние сельского хозяйства, торговли, населения по всей

⁶¹ Réponse aux questions concernant les Etats généraux... F. 306.

⁶² Ibid. F. 310v.

⁶³ Ibid. F. 310v.-311.

⁶⁴ Ibid. F. 311.

Франции»⁶⁵, при принятии решений об административном делении королевства, о сохранении или отмене системы продажи должностей, о компенсации собственникам.

Не обходился вниманием и иной вопрос: не опасно ли собирать сейчас Генеральные штаты, не станут ли они угрозой королевской власти? Автор аналитической записки выдвигает тезис о том, что новые Генеральные штаты «будут столь же мудры, сколь были безумны штаты 1789 года»⁶⁶. Существует два исторических примера, пишет он: это Генеральные штаты в Компьене, созданные регентом Карлом и позволившие спасти королевство, потушив Жакерию, и Генеральные штаты в Блуа, созданные Генрихом III в разгар религиозных войн – подстегнувшие Лигу и едва не погубившие Францию. От чего же такая разница, и чего следует ожидать от нового созыва Генеральных штатов? Ответ очевиден: штаты в Компьене состояли из верных депутатов, поскольку сторонники Жакерии были заперты в Париже и лишь в малой степени подчинили себе Шампань. В Блуа же, напротив, собрались ослепленные фанатизмом лигисты, которые были по всей Франции. В качестве доказательства приводится пример Карла II Английского, созвавшего парламент из верных ему роялистов, и этот парламент принимал угодные королю законы. Таким образом, главное – не сам выборный орган, а из кого он состоит. Ныне же в Штаты изберут исключительно роялистов. Конечно, для достижения этого эффекта следует пообещать созвать Генеральные штаты заранее – как только Король появится на границах и опубликует первые ордонансы, направленные на восстановление порядка.

Однако не вызовет ли это брожение вместо восстановления спокойствия? Если и вызовет, оно будет только полезно. С одной стороны, французы пробудятся от апатии –

«самого опасного состояния, в котором только Король может опасаться их найти. С другой стороны, это брожение будет таким же, какое наблюдается на корабле, когда после долгой бури перед ним открывается вход в гавань: доверие, надежды, радость возвращаются к жизни, приносят с собой рвение и повсюду воцаряется счастливое волнение»⁶⁷.

В то же время, в отличие от многих конституционных монархистов, полагавших, что введение представительного правления – одна из

⁶⁵ Réponse aux questions concernant les Etats généraux... F. 311.

⁶⁶ Ibid. F. 312 et suiv.

⁶⁷ Ibid. F. 313.

самых важных и необходимых модификаций, в которых нуждался Старый порядок, Людовик XVIII рассматривал Генеральные штаты отнюдь не как парламент по английскому образцу, а лишь как представительство сословий, способное при правильном и осторожном использовании обеспечить ему поддержку населения. Чем более декоративным и послушным будет этот орган, тем лучше.

Король явно и недвусмысленно утверждал, что он не собирается прислушиваться к мнению нации – по той простой причине, что этого мнения, с его точки зрения, не существует. «Я думаю, – писал он, – что большинство, и даже подавляющее большинство этой нации всегда представляло собой и тем более представляет ныне инертную массу, которой управляет меньшинство – сплоченное, искусное, деятельное. Если бы это было не так, нам оказалось бы слишком стыдно быть французами». Большинство, отмечал он, выражает свое одобрение либо словами, либо молчанием – именно так и обстояло дело на всем протяжении Революции. В частности, Людовик XVIII приводил в пример Конституцию 1795 года, принятую спустя всего пару лет после одобренной народом Конституции 1793 года. А поскольку основная масса населения весьма инертна, кто может быть уверен, например, в том, что она поддерживала или поддерживает Революцию?⁶⁸

Вместе с тем, Людовик XVIII прекрасно отдавал себе отчет в том, что от этой «инертной массы» во многом зависит, как примет его Франция и как пройдет его царствование. «Мудрое правительство должно знать желания народа и идти им навстречу, когда они разумны, – признавал он, – однако всегда действовать *proprio motu*⁶⁹; в этом и состоит способ снискать себе любовь и уважение – единственные движущие силы, которые должен использовать государь, желающий придерживаться золотой середины между слабостью и тиранией». Однако, памятуя о своем брате, согласившемся стать королем французов и принести присягу нации, Людовик специально подчеркивал, что считает себя королем исключительно милостью божьей⁷⁰.

Все эти рассуждения вкупе с проектами подготовленных от имени Людовика XVIII заявлений наводят на мысли о том, что созыв Генеральных штатов должен был послужить своеобразной демонстрацией стремления монарха к компромиссу между Старым порядком и новомодным парламентаризмом. Именно по этой причине полномочия будущих Генеральных штатов и способ их созыва оставались столь

⁶⁸ Observations du Roi sur le précédent mémoire de M. de Saint-Priest. P. 79-80.

⁶⁹ По собственному побуждению, без влияния извне (лат.).

⁷⁰ Observations du Roi sur le précédent mémoire de M. de Saint-Priest. P. 82.

неоформленными: ведь данный компромисс непосредственно зависел от того, при каких условиях произойдет реставрация монархии.

Одним словом, королевская власть не готова была публично признать институт Генеральных штатов необходимым, а временами, наученная горьким опытом, даже побаивалась его. Вместе с тем Людовик XVIII был согласен даровать своим подданным орган, который позволил бы им сформулировать и донести до монарха свои мысли и пожелания. Этот дар внешне должен был носить с его стороны абсолютно добровольный характер и подаваться по-разному, в зависимости от того, кому преподносился: консерваторам напоминали, что традиция созыва Генеральных штатов восходит к незапамятным временам, революционеров успокаивали тем, что король не собирается следовать по пути укрепления своей «абсолютной» власти. Однако трудно избавиться от ощущения, что Людовик XVIII шел на признание необходимости Генеральных штатов скрепя сердце и осознавая – здесь он был, на мой взгляд, вполне искренен, – что Старому порядку во Франции никогда уже не быть возродиться.

3. *Проблема восстановления сословий.* Практически никаких дискуссий по этому вопросу архивные документы не содержат: в проекте одного из ордонансов лишь лаконично провозглашается восстановление трех сословий в соответствии с фундаментальными законами королевства, а также рыцарских орденов в соответствии с их статутами⁷¹. Сам по себе этот пассаж представляется весьма любопытным, поскольку до Революции сословная структура общества вполне могла рассматриваться (как у Монтескье) в качестве препятствия на пути к деспотизму, однако как правило не упоминалась в числе фундаментальных законов королевства. В то же время, поскольку проект ордонанса не предполагал наличие каких-либо мотиваций, мы можем лишь гадать, каковы были резоны его автора: стремление представить уничтоженную Революцией сословную структуру в качестве института, который государь не в силах изменить (как не в силах он изменить любой другой фундаментальный закон) и тем самым оправдать восстановление сословий; или же стремление увязать воедино сословную структуру с древним (хотя и не включаемым обычно в число фундаментальных) «законом», которым королю предписывалось править «по совету»⁷² – и тем самым перебросить логический мостик к необходимости созыва Генеральных штатов.

⁷¹ *Projet d'ordonnance portent rétablissement de la monarchie.* F. 125v.

⁷² *Метивье Ю.* Цит. соч. С. 64.

В то же время нам известно иное: какие права и привилегии планировалось сохранить за этими сословиями. О налоговых привилегиях речь пойдет далее, однако ими дело не исчерпывалось. Так, например, Курвуазье полагал, что королем решен вопрос с десятиной: ее необходимо упразднить. Юридическое обоснование этому шагу дать не сложно: «Закон Карла Великого установил десятину, следовательно закон Людовика XVIII вправе ее отменить. Все, что государь обязан сделать для церкви, так это обеспечить пособие служителям культа и покрыть расходы на его отправление», что возможно и без десятины⁷³. Далее Курвуазье продолжал:

«Я также приостановил бы взимание сеньориальных выплат, поскольку было бы слишком опасным начать с их возрождения. Тем не менее, эта тема – самая щекотливая: поскольку, в отличие от десятины, феодальные права – это не отзывная собственность, полностью зависящая от закона. Несмотря на это, суверен может изменять право собственности на основе самой главной причины – блага общества, и, на самом деле, законы, регулирующие пользование собственностью, принимаются постоянно. Соответственно, нет никакой несправедливости в том, чтобы Король отложил восстановление феодальных прав, поскольку этой отсрочки требуют интересы государства; к тому же в будущем он сможет это изменить»⁷⁴.

4. *Проблема сеньориальных прав.* Их отмена виделась одним из тех завоеваний Революции, на которые сложно посягнуть, не вызвав всеобщего возмущения. Несмотря на очевидное недовольство значительной части дворянства подобной мерой, предполагалось объявить, что «общественное благо требует, дабы обладатели сеньориальных и феодальных прав отказались от причитающихся им цензов, рент и других неотъемлемых повинностей, а в отношении отмененных прав чтобы все осталось как ныне до тех пор, пока мы не изучим вопрос об отсрочках, которые права собственников и интересы деревенских жителей могут получить от нашего правосудия»⁷⁵.

5. К этому тесно примыкал *вопрос о судьбе национальных имуществ.* В теоретическом плане король был бескомпромиссен:

«Самые священные правила общественной морали и всеобщей справедливости, национальная честь, французская верность – все

⁷³ Observations sur les articles 14 et 15 du projet des let[tres] pat[entes]. F. 43v.

⁷⁴ Ibid. F. 44.

⁷⁵ Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi. F. 83v.

предписывает возвращение имуществ, захваченных силой и носящих лживое название национальных имуществ. Как только французы могли спекулировать достойными уважения трофеями верности и чести?! Эта безобразная торговля заставила бы покраснеть ваших отцов, она недостойна вас, ей нет иных объяснений, кроме революционного фанатизма [...]»⁷⁶.

Соответственно, необходимо «искупить это бесчестье возвращением быстрым и по первому требованию»⁷⁷. Однако принятие принципиального решения о возвращении национальных имуществ, не сняло две другие проблемы: должны ли нынешние владельцы компенсировать дореволюционным собственникам нанесенный ущерб, и должна ли королевская власть каким-то образом смягчить потери тех, кому принадлежат в настоящее время национальные имущества.

Первая проблема не представляла особой сложности: изъятие собственности и без того провоцировало сопротивление восстановлению монархии. Оставалось лишь облечь это решение в должную форму, что и сделал Курвуазье: «Необходимость снабжать хлебом наше королевство и согласие между нашими подданными требуют, чтобы ограбленные собственники обрели свое имущество в том виде, в котором оно окажется»⁷⁸, не претендуя ни на плоды, ни на урожаи, ни на возмещение убытков». А вот решение второго вопроса ставило перед Людовиком XVIII немало проблем, и подходил он к нему весьма осторожно:

«Без сомнения, хотелось бы надеяться, что можно будет все отобрать у владельцев захваченных имуществ, не выплачивая им никакого возмещения, и в этой мере не будет ничего несправедливого, она станет наказанием за их весьма непосредственное участие в Революции [...]; если же, тем не менее, возникнут опасения, что в результате они начнут оказывать наносящее ущерб сопротивление восстановлению монархии и порядка, будет необходимо успокоить их, принимая во внимание, что первейший закон – благо народа»⁷⁹.

Вообще, по мысли Людовика XVIII, идеальным выходом из этих затруднений была бы ситуация, при которой старые и новые собственники национальных имуществ договорились бы между собой сами, не прибегая к помощи королевской власти. Если же это окажется невозможным, и те, кто приобретал конфискованные имущества в ходе

⁷⁶ *Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi*. F. 83v.

⁷⁷ *Ibid.* F. 84.

⁷⁸ *Ibidem.*

⁷⁹ *Instruction du Roy pour les agents de sa Majesté*. P. 345.

Революции, покажутся опасными, можно будет после созыва Генеральных штатов поднять вопрос о компенсации⁸⁰.

Видимо, Курвуазье в большей степени опирался на написанную месяцем позже инструкцию графу д'Артуа, поскольку в созданных им документах вопрос трактуется уже однозначно:

«Мы признаем, что с точки зрения правосудия никакие документы не обязывают нас к выплате компенсации. Тем не менее, желая компенсировать своей снисходительностью любой нанесенный в прошлом ущерб, мы смягчим жесткость законов и компенсируем его в зависимости от обстоятельств и поведения [собственников], в той форме и в том объеме, в котором это предпишут Генеральные штаты, поскольку эта милость может быть оправдана лишь интересами государства и, соответственно, ее бремя должна нести вся нация, что не дает нам возможности возложить его без ее согласия»⁸¹.

При этом только одной категории собственников компенсации не полагалось ни при каких условиях – иностранцам. Следует признать, что решение было весьма остроумным, поскольку позволяло и не озлобить собственников национальных имуществ, и намекнуть, что те, кто монархию не поддержат, могут вовсе ничего не получить, и совершить благодеяние за счет увеличения налогов.

6. *Проблема налогообложения.* Здесь изменения по сравнению с инструкцией графу д'Артуа оказались минимальными: менять что бы то ни было в налогообложении можно лишь после того, как король вплотную ознакомится с нынешним состоянием финансов. Памятуя о том, что налоговой системой Старого порядка и расходами двора многие были недовольны, король, по мысли Курвуазье, должен был заявить:

«Мы берем на себя нерушимое обязательство установить в области финансов такую экономию, чтобы в будущем размер налогов определялся лишь реальными нуждами, а в распределении податей – такое равенство, чтобы бремя расходов государства было в равной мере возложено на всех, поскольку все в равной мере пользуются предоставляемыми им благами»⁸².

Тем не менее, в окружении Людовика XVIII задумывались и о том, что придет на смену революционной системе налогообложения. О возвращении к Старому порядку речь здесь не шла: не для того королевская власть еще до Революции предпринимала отчаянные по-

⁸⁰ Instruction du Roy pour les agents de sa Majesté. P. 345.

⁸¹ Projet d'adresse. F. 94v.-95.

⁸² Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi. F. 83.

пытки реформировать традиционную систему налогообложения, чтобы теперь упустить предоставляющуюся ей возможность. Прежде всего, казалось необходимым оставить в прошлом те привилегии, которыми пользовалось дворянство и духовенство, поскольку они «тягостны для народа». Предлагалось и теоретическое обоснование подобного шага. Поскольку клирики, как и прочие подданные, являются членами гражданского общества и пользуются предоставляемыми им преимуществами, они должны нести расходы наряду со всеми остальными. Что же до дворян, то когда владелец фьефа служил в армии за свой счет, расходы ему компенсировало само владение фьефом. Теперь же, когда король платит за военную службу, у владельца фьефа нет никакого предлога для освобождения от налогов⁸³.

Как известно, при Старом порядке налоговыми льготами пользовались не только привилегированные сословия, но также отдельные провинции и города. В «Мемуаре о налогах» высказывался совет, как обойти и это затруднение. Логика здесь была во многом схожей. Если провинция освобождалась от налогов вследствие договоров, их следовало объявить недействительными, поскольку, присоединившись к Франции, провинция образовала с государством единое целое, стала с ней «раз и навсегда связана первичными и необходимыми статьями общественного договора», начала пользоваться преимуществами своего нового положения а, значит, должна и участвовать в государственных тратах. Если же провинция не платила какие-то конкретные налоги (например, габель или эд), с этим можно специально не бороться, а лишь увеличить для нее пропорционально квоту других налогов (например, тальи или капитации)⁸⁴.

Небезынтересно, что хотя в той части проектов, где речь шла о прерогативах Генеральных штатов, право на установление налогов, как правило, упоминалось, на тех страницах, которые были посвящены налогообложению, о нем нет ни слова. Едва ли не единственным ригористом был здесь, пожалуй, граф де Сен-При, который, памятуя о том, что Генеральные штаты быстро не соберутся, а без них король не в праве увеличивать налоги, предлагал, чтобы король «для покрытия необходимых общественных расходов выпустил на триста миллионов бумажных денег, сроки ликвидации которых будут определены при первом же созыве Генеральных штатов»⁸⁵.

⁸³ Mémoire concernant l'impôt. F. 247-247v.

⁸⁴ Ibid. F. 248v.-249.

⁸⁵ Projet d'instruction du Roi à Monsieur, comte d'Artois, au cas où il arriverait en France comme précurseur de Sa Majesté. 5 juin 1799 // Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest. P. 77.

7. *Проблема гражданских и судебных властей.* Здесь позиция короля не изменилась: он осознал, что момент реставрации монархии – не лучшее время для того, чтобы настроить против себя власти всех уровней, тем более что у него физически не было достаточного количества людей, чтобы их заменить:

«Поскольку резкое и преждевременное вмешательство в административное и судебное управление приводит государство к слишком сильным потрясениям и увеличивает хаос вместо восстановления порядка, [...] территориальное деление Франции, администрация департаментов, дистриктов и муниципалитетов, положения, касающиеся полиции и удостоверения документов, суды [...] временно сохраняются в своем нынешнем состоянии. Люди, занимающие общественные должности, продолжают на них пребывать, за исключением лишь тех, кто явно оказался их недостойн. Вакантные должности будут заняты подданными, наиболее подходящими для их замещения, и по большей части теми, кто уже отличился порядочностью и образованностью»⁸⁶.

Роль инстанции, которая должна будет поделить должностных лиц на «чистых» и «нечистых», отводилась агентам Людовика XVIII. Король заблаговременно предписывал им:

«Поскольку возникают опасения, что должности в гражданской администрации и полиции занимают подданные, которые не заслуживают доверия ни народа, ни моего собственного, мои агенты должны будут позаботиться о том, чтобы их уволить и заменить, насколько это будет возможно, теми, кто был избран в мае 1797 года, ввиду того, что в их пользу расположено общественное мнение и что немалое их число заслуживает моего доверия»⁸⁷.

Таким образом, даже при смене чиновников Людовик XVIII готов был отдать приоритет тем, кто уже находился на территории страны, а не прибыл с ним из эмиграции. При этом выдвинутое ранее положение о том, что все должны будут действовать от имени короля и после принесения ему клятвы верности сохраняло свою силу. Естественно, все это не касалось центрального правительства и Законодательного корпуса: «Учреждения, сосредотачивающие в чужих руках законодательную и исполнительную власть, не совместимы с монархической формой правления и нашей законной властью»⁸⁸.

⁸⁶ *Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi.* F. 82v.

⁸⁷ *Instruction du Roy pour les agents de sa Majesté.* P. 344.

⁸⁸ *Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi.* F. 82v.-83.

В то же время эта проблема имела и еще один аспект: что делать с теми должностями, которые были ликвидированы в ходе Революции (в частности, с местами советников парламентов, которые, как известно, покупались)? Сложность заключалась не только в деньгах или в восстановлении справедливости: эти люди служили золотым фондом монархии, и король нередко прибегал к их услугам. Об их отношении к планам государя в этой области можно судить по реакции доверенного лица Людовика XVIII, бывшего президента Безансонского парламента графа де Марешаль-Везе, который, узнав о том, что монарх не планирует немедленного восстановления парламентов, подал в 1796 г. в отставку, отказавшись отвечать за деятельность роялистов во Франш-Конте⁸⁹.

На случай, если король захочет сразу же объявить о том, что эти люди будут восстановлены в своих правах, был заготовлен специальный проект декларации, в котором возвращение прежних должностей обещалось всем, «кто все еще заслуживает нашего доверия», за исключением тех, кто за годы Революции добровольно подал в отставку: их отставка объявлялась принятой, а должности – вакантными⁹⁰. Однако один из самых главных вопросов оставался пока без ответа: стоит ли в принципе восстанавливать систему продажи должностей?

В целом же проблемы восстановления прежней администрации после окончания временного порядка управления обсуждались в 1799 г. довольно вяло, что и не удивительно: речь шла о слишком уж отдаленной перспективе. Но все же первые подходы были намечены и здесь: так, например, подчеркивалось, что следует принять особые меры предосторожности, дабы члены местной администрации не возомнили себя представителями народа, для чего высказывался совет, чтобы частично они назначались королем, а частично выбирались теми, кого король назначит⁹¹. Граф де Сен-При предлагал и иной вариант: вернуться к системе Неккера, «против которой не существует весомых аргументов, кроме имени ее творца». С его точки зрения, «нет ничего более подходящего, чтобы умерить правление интендантов – единственное, которое является воистину монархическим, – нежели собрание части собственников страны, взятых не глядя на сословную принадлежность, наделенное исключительно совещательным голосом и без права собираться иначе как по приказу суверена»⁹².

⁸⁹ *Dugon M.* Op. cit. P. 77.

⁹⁰ *Projet de déclaration concernant les offices qui ont été liquidés // MAE. 608. 1799. F. 138.*

⁹¹ *Mémoire sur l'administration des Provinces et des Finances // MAE. 608. 1799. F. 229v.-230.*

⁹² *Mémoire rédigé par le comte de Saint-Priest pour le Roi. 5 juin 1799. P. 71.*

8. *Проблема территориального деления страны.* На этапе временного порядка управления планировалось сохранить новое административное деление страны⁹³. Что же касается будущего, то здесь оставалось больше вопросов, чем находилось ответов. Курвуазье писал:

«Следует ли сохранять нынешнее деление Королевства или восстановить провинции? Возобновлять ли былое различие между провинциями со штатами (*pays d'Etat*) и провинциями с прямым налогообложением (*pays d'Election*)?⁹⁴ Какие уложения необходимо принять, чтобы исправить недостатки системы провинций со штатами и провинций прямым налогообложением? Организовывать ли во всех провинциях народную администрацию [...], какими функциями ее наделять, как избирать ее членов?»⁹⁵

Из этого не сложно сделать вывод, что восстановление прежней системы провинций он отнюдь не исключал. В то же время граф де Сен-При, например, говорил об упразднении провинций с немалым восторгом:

«Отныне во Франции остались только французы! Нет больше гасконцев, бретонцев, фламандцев, провансальцев! Все в едином строю, все следуют одному укладу; законы, налоги, администрация – всё скроено по одной мерке, и никаких жалоб на пристрастность. Сколь же, без сомнения, прекрасным зрелищем станет Франция, управляемая на этой основе *монархически!* Какая сила в единстве! Какое объединение усилий!»⁹⁶

9. *Проблема революционного законодательства.* Курвуазье полагал, что ряд декретов (об эмигрантах, о религии, о браках), очевидно, следует отменить немедленно, но что делать с остальными и чем их заменить? Юрисконсульт отмечал, что через его руки прошло немало законопроектов, но все они показались ему неприменимыми на практике. Однако и сохранение существующих законов также невозможно. С одной стороны, они неизвестны ни королю, ни его Совету, ни его чиновникам. С другой, законы, направленные на сохранение республики, едва ли подойдут монархии, к тому же за годы Революции не было

⁹³ *Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi.* F. 82v. ; *Projet de déclaration portant rétablissement provisoire de l'administration publique* // MAE. 608. 1799. F. 147.

⁹⁴ Подробнее о разнице между ними см., например: *Токвиль А.* Старый порядок и Революция. М., 1997. С. 33.

⁹⁵ *Réponse aux questions concernant les Etats généraux...* F. 307v.

⁹⁶ *Mémoire rédigé par le comte de Saint-Priest pour le Roi.* 5 juin 1799. P. 69.

создано никакой цельной системы, законодательство латалось в зависимости от обстоятельств. С третьей стороны, достаточно взглянуть на тех, кто был законодателями, чтобы осознать: «такие люди могли напринимать лишь плохие законы». В данной ситуации представлялось бы разумным вернуться к дореволюционному законодательству, но и этот путь не кажется правильным, поскольку это законодательство было обременено многочисленными устаревшими, но традиционными нормами⁹⁷.

Соответственно, и в документах осени 1799 г. по этим вопросам согласия нет. Если один из них однозначно аннулирует «как покушающиеся на нашу власть, противоречащие конституции королевства и изданные без должных на то полномочий все акты, относящиеся к разряду конституций, декретов, законов, подзаконных актов, инструкций, договоров, прокламаций, а также все остальные», изданные революционными законодательными органами, начиная с Национального собрания (с оговоркой, что король сохраняет за собой право сохранить те из них, которые сочтет полезными)⁹⁸, то «Проект декларации о временном восстановлении судов» предусматривает, что до поры до времени все это законодательство сохранится, за исключением постановлений, направленных против религии, королевской власти, эмигрантов и верноподданных, браков и разводов⁹⁹. В сопровождающей этот проект записке вновь повторяются мысли Курвуазье о том, что было бы странным сохранить законодательство неизвестное ни самому монарху, ни членам его Совета и которое, если судить по его авторам, должно быть порочно, а также высказывается предложение по всем гражданским делам адресоваться к римскому праву, а по уголовным – к ордонансу 1670 года¹⁰⁰, однако не сложно представить себе, насколько реально было последовать этому совету, особенно если не отказываться от намерения сохранить на своих местах большинство назначенных в годы Революции судей.

Вместе с тем, подготовленные в окружении короля документы позволяют судить о том, какие части революционного законодательства должны были, когда до этого дошли бы руки, подвергнуться отмене в

⁹⁷ Observations sur les articles 14 et 15 du projet des let[tres] pat[entes]. F. 44v.-45.

⁹⁸ Projet d'ordonnance portant rétablissement de la monarchie. 1799. F. 124v.-125.

⁹⁹ Projet de déclaration portant rétablissement provisoire de l'ordre judiciaire // MAE. 608. 1799. F. 136 et suiv.

¹⁰⁰ В другом документе Курвуазье отмечает, что можно без проблем вернуться к 1789 г. и даже согласиться на процедурные изменения, совершенные Учредительным собранием, поскольку они предоставляли обвиняемому право на защиту. – Observations sur les articles 14 et 15 du projet des let[tres] pat[entes]. F. 45v.

первую очередь. «Проект эдикта о подтверждении государственных актов, изданных во времена смуты» устанавливал, что все приговоры, вынесенные судьями, не имевшими на то полномочий, объявляются недействительными, в частности, касающиеся свободы или имущества подданных. При этом все приговоры по гражданским делам временно остаются в силе, а по уголовным даруется разрешение подавать апелляцию в суды высшей инстанции, даже если приговоры были вынесены судом последней инстанции. Если приговор был вынесен за верность религии или законному правительству, в постановлении это обязательно должно быть отмечено, чтобы приговоренный или его семья могли этим гордиться. Дабы не ждать, пока будут восстановлены парламенты, полномочиями по пересмотру дел временно наделялись генеральные прокуроры или их заместители. В то же время ряд решений должен был оставаться в силе и далее: всё, что касалось свадеб, крещений, похорон и других актов гражданского состояния, все завещания, брачные контракты, акты о разделе имущества, наследовании фьефов и ограничениях обычного права¹⁰¹.

10. *Проблема амнистии.* Еще весной 1799 г. Людовик XVIII решил, что ордонанс об амнистии будет опубликован лишь тогда, когда он сам вернется на территорию страны¹⁰², поскольку амнистия – прерогатива исключительно королевская. Причина, заставившая короля пойти на амнистию, формулировалась для его подданных весьма лаконично: «Разве вы не достаточно и даже не слишком наказаны теми бедствиями, которые революция обрушила на ваши головы?»¹⁰³ Сама идея была не нова: еще в Веронской декларации Людовик XVIII обещал амнистию всем, кроме царевубийц¹⁰⁴, однако теперь это обещание было высказано с теми поправками, о которых шла речь в инструкции графу д'Артуа:

«Тем не менее, нам хорошо известно, что значительные преступления, совершенные против государства, можно искупить

¹⁰¹ *Projet d'édit portant confirmation des actes publics qui ont été fait pendant les troubles* // МАЕ. 608. 1799. F. 140-142v.

¹⁰² *Instruction pour mes agents.* 29 avril 1799 // *Dugon M.* Op. cit. P. 339.

¹⁰³ *Projet d'adresse.* F. 89.

¹⁰⁴ Небезынтересно, что хотя это исключение из амнистии было абсолютно естественным (обещать прощение убийцам помазанника божьего, тем более родного брата, было бы со стороны короля крайне странно), именно оно традиционно приводится как пример косности и недальновидности Людовика XVIII. См., например: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 69; *Furet F., Richet D.* *La Révolution française.* P., 1973. P. 308.

оказанными ему значительными услугами, и совершившим их, если они заслужат прощение Франции, не придется более бояться ее Короля. Зачем же нам карать тех, кого она пожелает освободить от наказания?»¹⁰⁵

Складывается ощущение, что осознание необходимости помиловать некоторых царевичей, поскольку они по-прежнему находились у власти в стране¹⁰⁶, вызвало у Людовика XVIII и части его окружения определенный душевный дискомфорт, и это, как минимум, влекло за собой необходимость дополнительной мотивации изменения точки зрения монарха:

«В своей декларации от июля 1795 года мы уже обещали французам всеобщую амнистию, однако тогда мы почитали своим долгом исключить из нее преступления, которые нам хотелось бы стереть из людской памяти. Тем не менее, высшим законом является благо государства. Людовик XVI, наш августейший и несчастный брат, думавший лишь о благе своего народа, царствовавший бы и поныне, если бы меньше его любил, Людовик XVI смотрит с небес и одобряет причины, заставляющие нас помиловать даже его палачей»¹⁰⁷.

Тем самым, закон об амнистии не только должен был стать первым актом новой власти. В полном соответствии с веяниями времени, на этот ордонанс возлагалась функция изменения национальной памяти: «Нам хотелось бы верить, что французы забудут даже сами названия партий, столь долгое время их разделявших, и объединятся в благородном стремлении помочь беспрестанно прилагаемым нами усилиям, дабы вернуть в наше отечество порядок, мир и счастье»¹⁰⁸. Кроме того, в ордонансе высказывалась надежда, что французы позабудут и самое главное преступление из совершенных в годы Революции, однако на сей счет авторы ордонанса оставались непреклонны, несмотря на то, что сам монарх, судя по всему, готов был смягчить свою позицию: «Если преступления, которые мы хотели бы стереть из памяти людей, оказались исключены из всеобщей амнистии, [...] то

¹⁰⁵ Projet d'adresse. F. 89-89v..

¹⁰⁶ В 1799 году среди пяти членов Директории трое (Баррас, Роже Дюко и Сийес) голосовали за казнь Людовика XVI.

¹⁰⁷ Projet de préambule de l'Amnistie dans le cas ou le rétablissement du Roi serait l'ouvrage de Buonaparte ou d'ailleurs Sa majesté avait promis une amnistie générale et sans exception // MAE. 608. 1799. F. 120.

¹⁰⁸ Ordonnance portant amnistie // MAE. 608. 1799. F. 121-121v.

лишь потому, что поскольку такие преступления оскорбляют гордое имя французов и королевское величие, не в нашей власти их простить»¹⁰⁹.

Таким образом, в окружении короля так и не было до конца решено¹¹⁰, стоит ли распространять амнистию на цареубийц. По крайней мере, хотя ордонанс очерчивал круг лиц, подлежащих амнистии, крайне широко, в нем весьма скрупулезно перечислялись те, кто, так или иначе, непосредственно способствовал казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты и специально отмечалось, что они будут отданы под суд. Также планировалось не распространять амнистию на гражданских лиц и военнослужащих, которые откажутся подчиниться власти вернувшегося в страну короля, и, наконец, отдельная и весьма любопытная статья предусматривала конфискацию поместий тех сеньоров, которые были уличены в неверности королевской власти. В комментарии к этой статье говорилось, что случаи, под нее подпадающие, не будут многочисленными, однако

«она послужит для того, чтобы наказать нескольких крупных сеньоров, в частности, Лафайета, которые более виновны, нежели народ; она понравится народу, который с удовлетворением увидит, что Король более заботится о нем, нежели о грандах; она не противоречит духу амнистии, поскольку конфискация будет проведена при помощи гражданского права; наконец, она предоставит Королю возможность вознаградить верных слуг, которых разорила революция»¹¹¹.

11. *Проблема армии* была одной из наиболее щекотливых. Помимо пребывавшего в то время на русской службе корпуса Конде, число

¹⁰⁹ Ordonnance portant amnistie. F. 121. Любопытно, что весьма схожая лексика – и по аналогичному поводу – была использована четырьмя годами раньше, когда Конвент обсуждал закон об амнистии. Логика этого акта также весьма напоминала логику Людовика XVIII: если король хотел начать свое царствование с примирения французов, то Конвент стремился оставить мир и согласие после себя (было даже высказано предложение об отмене смертной казни). Предлагая декрет об амнистии, депутат П.Ш.Л. Боден говорил и о том, что необходимо при помощи амнистии оставить в прошлом эпоху, когда Францию раздирали вражда различных группировок, и о том, что ряд преступлений (таких, как участие в восстании 13 вандемьера IV года, которое Конвент трактовал, как роялистское) не заслуживает прощения. – Réimpression de l’Ancien Moniteur. P., 1842. T. 26. P. 301 et suiv.

¹¹⁰ Об этом говорит, например, и то, что в проекте инструкции, написанном графом де Сен-При, никаких исключений из амнистии не делалось. – Projet d’instruction du Roi à Monsieur, comte d’Artois. P. 76-77.

¹¹¹ Observations sur l’ordonnance portant l’amnistie // MAE. 608. 1799. F. 151.

эмигрантов под ружьем оставалось весьма скромным¹¹². Других войск у короля, кроме тех подразделений, которые обещали собрать его представители на территории Франции, практически не было. Таким образом, данное в инструкции графу д'Артуа обещание сохранить на службе республиканский офицерский корпус было продиктовано не только желанием ослабить сопротивление французских войск. С другой стороны, Людовик XVIII понимал, какое отношение к республиканским войскам царило среди эмигрантов и держав коалиции, не первый год вынужденных с ними сражаться. Поскольку к французским войскам следовало относиться, как к врагам, но ровно до той поры, пока они не перейдут под королевские знамена, двойственность позиции короля была неизбежной. Проект декларации в этом плане весьма показателен (включая те слова, которые оказались в итоге вычеркнуты):

«Сожалея о заблуждениях, в которые впала французская армия, мы не без гордости наблюдали за храбростью, выказанной ею в боях, и поскольку для нее осталась важна слава, она вновь станет тем, чем была издавна – честью и опорой трона. Будучи к ней справедливыми, мы сохраним должности, звания, денежное содержание и жалование тем генералам, офицерам, унтер-офицерам и солдатам, которые ~~некиннут знамена мятежа~~ внесут свой вклад в процветание ~~отечества~~ государства или примут участие в восстановлении нашей законной власти; мы поощрим продвижением и чинами тех, кто станет ревностно защищать наши права, неотделимые от интересов нашего народа [...]. Мы предоставим мобилизованным солдатам и призывникам, которых насильственно заставили встать под наши знамена, право вернуться к своим очагам, поскольку уверены, что чести французам окажется достаточно, чтобы удержать их, если случится так, что государство будет нуждаться в их службе. Наконец, стремясь держать подальше от военной службы, истинного источника благородства, всех тех, кто может быть недостоин положенного ей уважения, но кого связал с нею национальный характер, мы отменим два положения, столь же оскорбительных, сколь и политически недалеконидных, одно из которых предоставляло офицерские чины по праву рождения, а другое не давало подняться выше лейтенанта тем солдатам, которых возвысили исключительно их заслуги. Мы отнюдь

¹¹² Корпус Конде был самым известным из эмигрантских воинских соединений, но не единственным. Так, например, В.А. Погосян обнаружил в архивах сведения о том, что отдельный полк был сформирован в 1797 г. на территории Испании (т.н. полк «Бурбон»). – *Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004. С. 82.

не забыли, что помимо конде, тюреннов, люксембургов¹¹³ монархия породила фаберов, катина, шеверов¹¹⁴, и мы знаем, что революция добавила к этим новые имена, не менее достойные и прославившие ее армии»¹¹⁵.

В соответствии с этими идеями в «Проекте эдикта об армии»¹¹⁶ устанавливалось, что любой солдат может стать офицером, что «ни-какого доказательства дворянского происхождения не требуется, чтобы занять должность офицера, будь то в наших сухопутных войсках или на флоте» и, напротив, любой, получивший офицерский патент (за исключением ненатурализованных иностранцев), автоматически становится дворянином с правом передавать дворянство по наследству. Небезын-тересно обоснование этого: в проекте от имени короля отмечалось, что монарх руководствовался «заботой о том, чтобы упрочить в нации тот воинственный дух, коего требует безопасность государства», а также стремлением сделать из профессии военного, «как это было некогда, основной источник дворянских званий, и открыть перед талантами [...] карьеру воинской славы, закрытую для них несправедливыми уста-новлениями»¹¹⁷. Курвуазье пояснял это нововведение следующими словами:

«Установления были благоприятны исключительно для при-дворной молодежи, а старый лейтенант-полковник, посевший под знаменами, искусный в своем ремесле, снискавший любовь и доверие своего подразделения, даже не надеялся его возглавить, пусть даже он долгое время направлял его. Достаточно ли для юных полковников, которых никогда не знала армия Людовика XIV, побыть четыре месяца с незнающими их солдатами, чтобы затем отправиться

¹¹³ Все трое принадлежали к титулованному дворянству и были видными военачальниками времен Людовика XIV. Людовик II Бурбон, четвертый принц Конде (1621-1686) заслужил прозвище Великого, Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт Тюренн (1611-1675) и Франсуа Анри де Монморанси-Бутвиль, герцог Люксембург (1628-1695) стали маршалами Франции.

¹¹⁴ Все трое – военачальники, выслужившиеся из низов: генерал Франсуа Шевер (1695-1769) начинал службу простым солдатом, маршал Франции Никола Катина (1637-1712) был славен тем, что продвигался исключительно благодаря своим достоинствам, а маршал Франции Абраам Фабер (1599-1662) изначально и вовсе не принадлежал к дворянству.

¹¹⁵ *Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi.* F. 84v.-85.

¹¹⁶ *Projet d'édit concernant l'armée* // МАЕ. 608. 1799. F. 149-149v.

¹¹⁷ Прежде всего, речь шла о королевском эдикте 1781 г., разрешающем занимать офицерские должности лишь тем, кто может подтвердить свое дворянское происхождение в четвертом поколении.

совершенствовать свое ремесло к актрисам из оперы или в будуары щеголих?»¹¹⁸

Таким образом, преобразования в военной сфере планировались окружением Людовика XVIII, пожалуй, как самые радикальные и необратимые: даже структура армии, и та должна была сохраниться в том виде, в которой монарх унаследует ее от Революции.

12. *Проблема ликвидации воспоминаний о Революции.* Заставить забыть о Революции должен был не только акт об амнистии. Не менее важной представлялась жесткая и безотлагательная модификация всего символического пространства, претерпевшего кардинальные изменения за последнее десятилетие. Специальный «Ордонанс о восстановлении монархии» предписывал в течение месяца после его публикации снять под угрозой штрафа «все символы и эмблемы мятежа со всех зданий» и «вернуть зданиям, площадям и улицам, равно как и городам, местечкам и деревням, чьи названия были изменены после 1 мая 1789 года, те имена, которые они носили до того времени». В течение полугода и под угрозой аналогичного штрафа должны были «быть вычеркнуты из судебных постановлений, контрактов и иных общественных или частных актов все статьи, термины и эмблемы, имеющие отношение к мятежу». Правда, при этом оставалось не до конца понятным, следовало ли при этом поменять заодно и все датировки в документах, принятых после введения революционного календаря – оговаривалась лишь отмена нового календаря и возвращение старого, а так же то, что все акты, которые выйдут после этого указа и будут датированы в соответствии с революционным календарем, окажутся лишенными силы¹¹⁹.

Нельзя не отметить, что этот ордонанс абсолютно вписывался в рожденные Революцией методы манипулирования национальной памятью. В частности, он во многом представлял собой зеркальное отражение знаменитого декрета от 14 августа 1792 г. о разрушении памятников, «вызывающих воспоминания о феодализме» и целой серии декретов лета-осени 1793 г., направленных против гербов и эмблем королевской власти на всех домах и во всех парках¹²⁰.

Отдельные статьи проекта ордонанса запрещали всем подданным и иностранцам на территории страны «под угрозой объявления мятежниками и бунтовщиками образовывать какие бы то ни было

¹¹⁸ Réponse aux questions concernant les Etats généraux... F. 309v.

¹¹⁹ Projet d'ordonnance portant rétablissement de la monarchie. F. 125v.-126.

¹²⁰ Подробнее об этой тенденции см.: *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. Thermidor et la Révolution. P., 1989. P. 258 et suiv.

собрания, известные под именем *народных обществ, клубов, лож*, а также иные собрания, не разрешенные законами королевства». Владельцам любых помещений, соответственно, запрещалось принимать у себя таковые общества под угрозой значительного штрафа или обвинения в соучастии мятежу¹²¹.

Другие проекты конца 1799 г. дополняли эти положения ордонанса. Так, например, планировалось даже способы казни восстановить в том виде, в котором они существовали при Старом порядке, поскольку не следовало казнить преступников тем же образом, что и Людовика XVI¹²². Единственное, что должно было сохраниться до особых распоряжений – это система мер и весов, а также все находившиеся в обращении монеты, которые должны были приниматься наряду с монетами предшественников Людовика XVIII¹²³.

Проанализировав комплекс документов, вышедших летом-осенью 1799 года из-под пера Людовика XVIII и его ближайших советников, можно увидеть, что, с их точки зрения, до Революции власть короля во Франции была абсолютной, но не была неограниченной или деспотичной, поскольку существовали фундаментальные законы французской монархии и древняя «конституция» страны. Таким образом, в 1799 г. вести разговор было осмысленно лишь о том, возвращаться ли после реставрации к Старому порядку и, если да, то в какой мере.

Людовик XVIII неоднократно обещал не возрождать Старый порядок – другое дело, что вопреки его желаниям в этих словах нередко можно услышать не торжество реформатора, а тяжелый вздох. И, тем не менее, подготовленные в его окружении проекты деклараций и ордонансов явно свидетельствуют о том, что король не кривил душой. Со страниц документов перед нами предстает не «непримиримый приверженец абсолютистского режима»¹²⁴, а умный и тонкий политик, старающийся в кратчайшие сроки овладеть «искусством возможного». Его идеалы во многом лежат в прошлом, он не скрывает, что хотел бы быть похожим на своих прославленных предков – чаще всего, в текстах встречаются имена Людовика Святого, «отца народа» Людовика XII и Генриха IV. И не только похожим: он мечтал бы править так, как правили французские монархи былых времен, но с грустью осознавал, что этому не суждено сбыться ни при каких условиях.

¹²¹ Projet d'ordonnance portent rétablissement de la monarchie. F. 126-126v.

¹²² Projet de déclaration portent rétablissement provisoire de l'ordre judiciaire. F. 136.

¹²³ Projet de déclaration portant rétablissement provisoire de l'administration publique. F. 147v.

¹²⁴ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 203.

Король воистину «ничего не забыл и многому научился» – с течением времени он избавляется от иллюзий и демонстрирует все большую склонность к компромиссу. В 1799 г. Людовик XVIII уже совсем не тот, нежели в 1795-м. Тогда для победы казалось достаточным, чтобы на смену слабовольному Людовику XVI пришел истинный государь, чтобы во главе роялистов встал не постоянно уступающий мятежному народу монарх и не пребывающий в тюрьме десятилетний мальчик, а полный энергии принц, хорошо знакомый всем европейским дворам, суровый, но справедливый, новый «отец народа», готовый простить заблуждения, но покарать преступников. К концу режима Директории Людовику становится ясно, что корону недостаточно *потребовать* – ее придется *покупать*, придется завоевывать на свою сторону общественное мнение. Сама мысль об этом ему претила, даже в личных письмах король пытался сделать вид, что никакого общественного мнения не существует, а есть лишь искусные интриганы, управляющие народом по своему желанию – с ними-то и необходимо искать точки пересечения. Однако его действия говорят об обратном. Людовик XVIII крайне внимательно относился к каждому слову, которое могло быть предано гласности, пытался предугадать, какое впечатление произведут его декларации, немало делал для того, чтобы создать у своих подданных определенный *образ*. Это проявлялось даже в лексике: значительно чаще, чем раньше, встречалось слово «нация», упоминался даже «общественный договор».

Безусловно, существовали определенные компоненты Старого порядка, от которых Людовик XVIII не готов был отказаться. Помимо однозначной опоры на католическую религию, это, в первую очередь, фундаментальные законы французской монархии. И дело не в том, что он считал их совершенными или ему претила сама мысль о реформах: король осознавал, что стоит начать модификацию той основы, того *фундамента*, на котором покоилась монархия, и он либо превратится в деспота, либо не сможет остановить эти реформы, не поделившись властью, а то и не лишившись ее. Напротив, король обещал даровать Франции конституцию, Хартию, в которой эти основы были бы закреплены навечно.

Монархия для Людовика XVIII – это не только форма правления, но и сопутствующая ей система символов и образов; отсюда и та непримиримая война, которую он объявлял порожденным Революцией символам, лозунгам, новому календарю. Монархия – это, несомненно, сословное государство со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая право сословий быть услышанными (хотя можно спорить о том, в какой мере Генеральные штаты характерны для Старого порядка, если Бурбоны обходились без них, начиная с 1614 г.). Согласие на

созыв Генеральных штатов кажется королю разумным компромиссом между «деспотизмом» и парламентаризмом, хотя он пока что и не готов окончательно определить для себя, какой объем полномочий следует даровать представителям сословий. Монархия – это, безусловно, и «правовое государство»; отсюда стремление облечь свои решения в юридически безукоризненные формулировки, сколько бы иезуитства в них не содержалось. «Благо государства» могло оправдать многое, но не нарушение базовых прав подданных, включая право собственности: ни король, ни его окружение не сомневались, что национальные имущества должны быть возвращены прежним собственникам и можно обсуждать лишь вопросы компенсации.

Людовик XVIII заявлял, что на переходный период во Франции будет установлен временный порядок управления. Решение казалось мудрым: окружение короля осознавало, что невозможно в одночасье выстроить новую систему управления государством, а старая, существовавшая до 1789 г., очевидно уже не отвечала изменившимся условиям. Не хватало и кадров: опытных должностных лиц с дореволюционным опытом работы было явно не достаточно. Но едва ли не самое главное, что позволял временный порядок управления – это отложить на неопределенный срок решение вопросов, на которые у короля не было ответов.

В результате та система управления страной, которая должна была установиться во Франции после победы роялистов, мало чем напоминала бы Старый порядок. Людовик XVIII оставлял за собой право в будущем все изменить по своему желанию, однако на неопределенный срок во Франции должны были сохраниться унаследованные от Революции налоговая система, деление страны на департаменты, гражданские и судебные власти. Советники короля отмечали, что, помимо всего прочего, это позволило бы покончить с теми чертами Старого порядка, от которых в XVIII в. тщетно пыталась избавиться королевская власть: с партикуляризмом и привилегиями провинций, неравномерным налогообложением сословий и отдельных частей королевства, самомнением парламентов, отжившими свой век сеньориальными правами.

Кардинальным образом должна была измениться и армия. Если в последние годы Старого порядка Людовик XVI, стремясь поддержать родовитое дворянство, закрыл доступ к офицерским чинам для выходцев из других сословий, то Людовик XVIII, напротив, обещал потомственное дворянство всем простолюдинам, дослужившимся до офицеров. С формальной точки зрения это соответствовало духу былых времен (дворянство – сословие воинов), однако в реальности позволяло сохранить рожденную Революцией победоносную армию нового типа.

Две проблемы, которые оказались до конца не решенными, были, пожалуй, самыми острыми. И если вопрос о том, что делать с революционным законодательством, оставался открытым именно в силу своей сложности, то рискну предположить, что в вопросе об амнистии король сам не стремился ставить последнюю точку до тех пор, пока не станет ясно, благодаря каким силам удастся реставрация. Не случайно на проекте преамбулы к ордонансу об амнистии, составленном после переворота 18 брюмера, сохранилась пометка: «На тот случай, если восстановление Короля окажется творением Бонапарта; в противном случае Е.В. пообещает амнистию всеобщую и без исключений».

Эти слова видятся мне показательными и еще в одном плане: в 1799 г. уже многим было ясно, что реставрация монархии не может стать «творением» одних только роялистов и сражавшихся с Республикой иностранных армий. А это означало, что Старый порядок безвозвратно ушел в прошлое вместе с теми временами, когда короли Франции десятилетиями укрепляли свою власть, превращая сословно-представительную монархию в ту систему государственного устройства, которую впоследствии станут называть «абсолютизмом». Наставало время поиска компромисса между возможностями монарха навязать свою волю народу и возможностями народа навязать свою волю монарху. Наставало время в большей или меньшей степени ограничивающих монархов конституций. И проекты ордонансов 1799 г., также как впоследствии и Хартия 1814 года стали наглядными свидетельствами этого компромисса.